

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2025.31.4.8](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.8)
EDN [LUZKLG](https://edn.ru/LUZKLG)
УДК 325.14(430)

А. О. Ткачев¹

¹ МГИМО МИД России. Москва, Россия

СИРИЙСКИЕ БЕЖЕНЦЫ В ГЕРМАНИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ

Аннотация. В статье представлен комплексный анализ трансформации миграционной политики Германии в отношении сирийских беженцев в период 2015–2025 гг. На основе данных Федерального ведомства по делам миграции и беженцев ФРГ, Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Евростата, а также материалов аналитических центров и официальных документов рассматриваются ключевые этапы эволюции миграционной стратегии ФРГ от политики сдерживания к режиму «открытых дверей» и последующему возврату к рестриктивным мерам. Особое внимание уделено внутренним (демографический кризис, нехватка рабочей силы, антииммигрантские настроения и др.) и внешним (позиция ЕС, эскалация сирийского конфликта, падение режима Б. Асада) факторам, определившим эти сдвиги. Исследование выявляет сохранение двойственной позиции Берлина: необходимость частичного возвращения беженцев сочетается с потребностью в сохранении квалифицированной рабочей силы для поддержания экономической стабильности. Полученные выводы имеют значение не только для понимания динамики миграционной политики в западноевропейских странах, но и для стран, сталкивающихся с аналогичными вызовами, включая Россию, где опыт ФРГ может служить аналитическим ориентиром при разработке сбалансированной и устойчивой миграционной стратегии.

Ключевые слова: сирийские беженцы, миграционный кризис, Германия, интеграционная политика, внутренняя политика, миграционная стратегия

Для цитирования: Ткачев А. О. Сирийские беженцы в Германии: политический анализ современной ситуации // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 4. С. 119–132. DOI [10.19181/nko.2025.31.4.8](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.8). EDN [LUZKLG](https://edn.ru/LUZKLG).

Введение. Кризис 2015–2016 годов стал крупнейшим миграционным вызовом для Европейского союза со времён Второй мировой войны, коренным образом изменив подходы государств-членов ЕС к регулированию миграционных потоков. Особое место в этом историческом процессе заняла Федеративная Республика Германия, которая, вслед за политикой «открытых дверей», приняла на себя основное бремя по приёму сирийских беженцев. Стремясь соблюсти гуманитарные обязательства и одновременно решить проблему дефицита рабочей силы, немецкое руководство столкнулось с целым комплексом социальных, политических и экономических вызовов.

Эскалация конфликта в Сирии и массовое бегство населения привели к изменению миграционной стратегии ФРГ, традиционно ориентированной на сдерживание потока мигрантов. Внутренние демографические проблемы Германии — старение населения, низкий уровень рождаемости — дополнили внешние вызовы, вынуждая корректировать подходы к интеграционной политике. При этом усиление антииммигрантских настроений в немецком обществе и рост популярности правопопулистских партий поставили под сомнение устойчивость проводимой политики. Падение режима Башара Асада в Сирии в 2024 году вновь

актуализировало вопрос о возвращении беженцев, ставя перед Берлином задачу балансировать между гуманитарными обязательствами и внутренней социальной стабильностью.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ трансформации миграционной политики Германии в отношении сирийских беженцев в период 2015–2025 гг. с учётом влияния как внутренних факторов (демографическая ситуация, общественное мнение, политический ландшафт), так и внешних (развитие сирийского кризиса, позиция ЕС). Исследование представляет интерес не только для понимания эволюции миграционной политики в западноевропейских странах, но и для российской научной и политической дискуссии. В условиях, когда Россия также сталкивается с вызовами, связанными с управлением миграционными потоками и интеграцией иностранных граждан, опыт Германии может служить важным аналитическим ориентиром. Настоящая работа, не претендуя на межстрановой анализ, предлагает эмпирическую базу для осмысления практик, применимых к контексту стран с иной правовой и социокультурной средой.

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных специалистов, посвящённые миграционным процессам и политике интеграции. Так, Д. Дреуски и Ж. Герхардс [1, р. 101–142] рассматривают эволюцию политики Германии от гуманитарного открытого курса к более рестриктивному подходу. Г. И. Гаджимурадова и Н. Вкучевич [2] анализируют конфликт между гуманистическими ценностями и национальной безопасностью в рамках миграционной политики ЕС. Вопросы политической реакции общества на миграционный кризис затрагиваются в работах А. П. Соколова и А. Д. Давыдова [3]. Особое внимание социально-экономическим последствиям миграции уделяют М. Ю. Кучеров [4] и Т. С. Кондратьева [5]. Влияние миграции на внутривнутриполитическую ситуацию в Германии рассматривают Д. Р. Муллина и Д. В. Шмелёв [6]. Среди публикаций последних лет большое внимание вопросу корреляции между количественными изменениями миграционных волн из арабских стран в ЕС и политическим фактором уделяется в работе М. М. Агафошина [7]. В коллективной монографии Института Африки РАН анализируются подходы региональных правительств ЕС к решению сирийской миграционной проблемы [8].

Важной частью теоретической базы стали также публикации ведущих российских исследовательских институтов. Комплексный обзор институциональной и правовой базы миграционной политики ЕС представлен в труде Л. С. Биссон «Регулирование легальной миграции в Европейском союзе» (2020) [9], где исследуются как внутренние механизмы, так и внешнее измерение взаимодействия Евросоюза с третьими странами в миграционной сфере. Эволюция позиции ЕС по сирийскому вопросу, а также место Германии в евроинтеграционных и трансатлантических процессах рассматриваются в коллективной монографии ИМЭМО РАН «Германия в евроинтеграционных и трансатлантических процессах» (2021) под редакцией В. И. Васильева и А. М. Кокеева [10]. Анализ угроз, связанных с неконтролируемой миграцией, и формирование восприятия мигрантов как невоенной угрозы для безопасности Европейского союза представлены в работе «Невоенные угрозы безопасности ЕС» (2023) под редакцией Н. К. Арбатовой, А. М. Кокеева и Е. Г. Черкасовой [11].

Особую значимость в контексте данного исследования представляют публикации, раскрывающие взгляды немецких партий на миграционную повестку.

Так, в статье В. Б. Белова [12] анализируются политические процессы в Германии накануне выборов, в том числе расстановка сил между консерваторами и социал-демократами по вопросу миграции. Исследование Н. А. Каталкиной и Н. В. Богдановой [13] позволяет проследить основные положения предвыборной программы ХДС/ХСС 2021 года в части миграционной политики. Официальный коалиционный договор «Ответственность за Германию» от 2025 года¹ даёт представление о компромиссах между партиями в миграционной сфере в рамках нового правительства. Наконец, аналитический обзор В. Б. Белова в «Европейской аналитике» [14] демонстрирует ключевые расхождения в подходах к интеграции, репатриации и безопасности между ХДС/ХСС и СДПГ, что позволяет глубже понять идейные разногласия внутри коалиции.

Материалы и методы. Методологическая основа исследования включает совокупность качественных и количественных методов анализа. В качестве основных использованы: структурно-функциональный подход для оценки эволюции миграционной политики Германии, анализ официальных документов (отчёты Федерального ведомства по делам миграции и беженцев ФРГ, данные Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, статистика Евростата), программные документы немецких парламентских партий, а также сравнительный анализ позиций политических акторов и общественного мнения.

Особое внимание уделено эмпирическому изучению динамики числа сирийских беженцев, уровне их трудовой интеграции, а также влиянии миграции на внутреннюю политическую ситуацию в Германии. При этом учитывается специфика источников: официальная статистика, научные публикации, экспертные аналитические доклады, материалы немецких и международных СМИ.

Данный комплекс методов позволяет всесторонне оценить влияние сирийского миграционного кризиса на политику Германии в 2015–2025 гг., выявить ключевые тенденции и противоречия, а также спрогнозировать дальнейшее развитие ситуации.

Миграционная политика Германии до 2015 года. Вопрос массовых миграционных потоков в Германии не стоял на повестке до конца 1980-х — начала 1990-х гг. Несмотря на закреплённость права на убежище в немецкой конституции, количество беженцев в Германии было ничтожно мало: по большей части, убежище у немецкого правительства запрашивали диссиденты из восточноевропейских стран социалистического блока [1, р. 101–142].

Тем не менее, рост нестабильности на Западных Балканах и рост численности беженцев заставил правительство ужесточить регулирующие данную область нормы. В 1990-х гг. блок ХДС/ХСС (Христианско-демократический союз и Христианско-социальный союз в Баварии) проводил политику по ограничению возможностей воспользоваться правом на убежище. Беженцы, прибывшие в Германию через третьи страны, которые считались «безопасными», не имели права получения убежища на территории немецкого государства, а беженцам из относительно «безопасных» государств требовалось доказать необходимость

¹ Verantwortung für Deutschland. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. Legislaturperiode. URL: https://www.csu.de/common/csu/Koalitionsvertrag_2025_Verantwortung_fuer_Deutschland.pdf (accessed: 25.04.2025).

получения убежища. Принятие Дублинского регламента, до сих пор регулирующего порядок рассмотрения заявлений о предоставлении убежища, в ещё большей степени усложнило процедуру получения убежища на территории ФРГ [1, p. 101–142].

Серьёзные послабления были приняты во время правления коалиции Социал-демократической партии (СДПГ) и «Союза 90 / Зелёные», стремившихся создать механизмы интеграции беженцев в немецкое общество путём организации курсов по изучению немецкого языка, истории и культуры Германии, а также реализации интеграционных проектов на местном уровне. Правительство А. Меркель, пришедшее к власти в 2005 г., продолжило проиммиграционную политику, рассматривая мигрантов как фактор поддержания конкурентоспособности немецкой экономики на мировом рынке.

Миграционный кризис 2015–2016 гг. и политика «открытых дверей». В 2010 г. политическая нестабильность в Тунисе запустила цепную реакцию по всему Ближнему Востоку, став причиной событий, вошедших в историографию под названием «арабская весна». Сирия также не стала исключением: в 2011 г. подавление протестов в арабской республике привело к началу гражданской войны между правительством Б. Асада и оппозиционными группировками, в результате которой в Турцию и Европу начали массово бежать сирийские граждане. Ситуацию в Сирии усугубила активизация многочисленных террористических группировок, в первую очередь, «Исламского государства»^{*}.

В результате эскалации сирийского кризиса все большее количество людей бежало из страны в поисках убежища преимущественно в Европе. В 2015 г., когда стало ясно, что Греция и Италия, являющиеся государствами т. н. «первой линии»², не справляются с резко возросшим потоком беженцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки, Германия приняла решение о запуске политики открытых дверей, в рамках которой собиралась принять большое количество беженцев. Так, Федеральное ведомство по делам миграции и беженцев ФРГ (BAMF) приняло решение о временной приостановке действия Дублинского регламента в отношении сирийских беженцев: миграционная служба ФРГ начала рассматривать заявки беженцев о предоставлении убежища даже если они нарушают положения Дублинских соглашений³. Затем отдельно был принят закон, ускоривший процедуру рассмотрения ходатайств об убежище⁴.

Такой поворот политики по отношению к мигрантам, предпринятый консервативным правительством ХДС/ХСС, казался немыслимым, однако его все равно можно объяснить несколькими причинами. В первую очередь, это стало возможным благодаря приверженности немецкого руководства гуманитарным соображениям. Берлин выразил солидарность с людьми, бегущими от ужасов гражданской войны, и подчеркнул наличие у них права на убежище и необ-

^{*} В России признано террористической организацией и запрещено.

² Прим. авт.: Речь идёт о государствах, которые являются внешними границами ЕС.

³ Country responsible for asylum application (Dublin Regulation) // European Commission. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/policies/migration-and-asylum/asylum-eu/country-responsible-asylum-application-dublin-regulation_en (accessed: 14.01.2025).

⁴ Войников В. В. Интеграция иммигрантов — дело рук самих иммигрантов // РСМД. 17.06.2016. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/integratsiya-immigrantov-delo-ruk-samikh-immigrantov/> (дата обращения: 15.12.2024).

ходимость соблюдать нормы международного права, регулирующие положение беженцев. Данное решение сразу отразилось на международной репутации Германии: многие оценили это решение как акт проявления гуманности, а журнал Time в 2015 г. объявил Ангелу Меркель «Человеком года»⁵.

Кроме того, как подчеркнули научные сотрудники Института международных исследований МГИМО А. П. Соколов и А. Д. Давыдов, нужно отметить, что в немецком обществе в преддверии кризиса 2015-2016 гг. сформировался консенсус о необходимости предоставления помощи. Представители крупнейших политических сил, общественности, СМИ, промышленных ассоциаций выступили в поддержку проводимого правительством активного курса в сфере миграции [10, с. 47].

Нельзя упускать из виду и социально-экономический аспект. Население Германии находится на этапе активного демографического старения населения. На данный момент медианный возраст в немецком обществе составляет 44,9 лет, что на 48,25% больше среднемирового показателя — 30,3⁶. При этом немецкому правительству не удастся решить проблему исключительно за счёт местного населения. Если для поддержания устойчивого роста населения государство должно достигнуть суммарного коэффициента рождаемости в 2,1 ребёнка на женщину, то в Германии демографическая ситуация чрезвычайно проблематична: в 2023 г. уровень рождаемости опустился даже ниже определённой ООН «сверхнизкой» планки в 1,4 ребёнка, достигнув 1,35 ребёнка на женщину⁷. Сохранение подобной тенденции, по прогнозу Еврокомиссии, приведёт к тому, что к 2050 г. около трети населения Германии будет старше 65 лет, что будет сопровождаться катастрофическим дефицитом трудовых ресурсов на рынке труда [4, с. 59]. Такое положение дел в долгосрочной перспективе ставит экономическое развитие страны под угрозу. Как итог, привлечение и ассимиляция беженцев из Сирии и других стран Ближнего Востока и Северной Африки является одной из стратегий ответа на данный вызов.

Параллельно с введением политики открытых дверей Германия в рамках европейского интеграционного объединения стала продвигать идею справедливой ответственности, призывая других членов ЕС принять у себя часть беженцев. Данная идея получила оформление в виде квотной системы, по которой общая нагрузка по приёму беженцев распределялась между государствами-членами ЕС на основе установленных критериев, включая численность населения, уровень безработицы и ВВП страны⁸. Тем не менее, данная система встретила сопротивление со стороны других членов интеграционного объединения, в первую очередь, со стороны Польши, Чехии, Словакии и Венгрии.

На фоне нежелания восточноевропейских государств принять у себя десятки тысяч мигрантов, прибывших в Италию и Грецию, Берлин, ставший одним из главных центров притяжения для сирийских мигрантов, принял решение воспользоваться 25-й статьёй Шенгенского кодекса о границах, регулирующего

⁵ Надикто О. Time назвал человеком года Ангелу Меркель // РБК. 09.12.2015. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/12/2015/566824759a7947a49cdf3acc> (accessed: 15.12.2024).

⁶ Germany's Median Age // World Economics. URL: <https://www.worldeconomics.com/Demographics/Median-Age/Germany.aspx> (accessed: 16.12.2024).

⁷ Германия пополнила клуб стран ЕС со «сверхнизкой» рождаемостью // ИноСМИ. 25.12.2024. URL: <https://inosmi.ru/20241225/rozhdmost-271311160.html> (дата обращения: 16.12.2024).

⁸ Глава МБД: Германия примет по квотам ЕС около 30 тысяч беженцев // РИА Новости. 22.09.2015. URL: <https://ria.ru/20150922/1274476768.html> (дата обращения: 22.12.2024).

единые стандарты охраны внешних границ и скоординированные механизмы взаимодействия государств в вопросах миграции и безопасности⁹, и ввёл внутренний пограничный контроль на границе с соседними государствами, сославшись на угрозу национальной безопасности из-за массового притока беженцев в страну. При этом некоторые эксперты считают, что данный шаг, помимо ограничения потока нелегально прибывавших беженцев, также имел тактическую составляющую [8, с. 158–163]: возможно, что Германия, пользуясь своим положением ведущей экономики Европы, решила надавить на других членов Союза с целью принятия квотной системы¹⁰.

В результате политики «открытых дверей», Германия приняла на себя основное бремя в рамках миграционного кризиса: в 2015 г. количество беженцев, в первый раз подавших заявление на предоставление убежища в Германии, составило 441 тыс. человек¹¹, а в 2016 г. этот показатель вырос до 669,5 тыс.¹²

Динамика числа беженцев и просителей убежища в Германии. Германия занимает одно из ведущих мест среди европейских стран по приёму беженцев и лиц, ходатайствующих о предоставлении убежища. С 2015 года, на фоне политических и вооружённых конфликтов на Ближнем Востоке, в Афганистане, Турции и других регионах, количество заявителей на убежище в Германии существенно менялось.

Ниже приводится анализ динамики обращений за убежищем по национальному признаку в период 2015–2024 гг. на основе данных немецкого Федерального ведомства по делам миграции и беженцев, Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (UNHCR) и Всемирного банка.

Период 2015–2016 годов ознаменовался беспрецедентным наплывом беженцев в Германию. В 2015 году в целом было подано около 442 тыс. заявлений о предоставлении убежища¹³, а в 2016 году их число достигло 722 тыс. — рекордного значения¹⁴. Наибольшее число заявлений в этот период поступило от граждан Сирии (~159 000 в 2015 г., ~266 000 в 2016 г.), Афганистана (~31 000 в 2015 г., ~127 000 в 2016 г.), Ирака (~30 000 в 2015 г., ~96 000 в 2016 г.)¹⁵.

После 2016 года количество заявителей начало снижаться, чему способствовали усиление пограничного контроля и соглашение ЕС с Турцией о приёме беженцев. Так, в 2017 году было подано всего около 198 000 заявлений, в 2018 г. — 186 000 и в 2019 г. — 166 000, согласно отчётам BAMF за 2024 год¹⁶.

⁹ Regulation (EU) 2016/399 of the European Parliament and of the Council of 9 March 2016 on a Union Code on the rules governing the movement of persons across borders (Schengen Borders Code) (codification) // Official Journal of the European Union. 2016. L. 77. P. 10–11. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/399/oj/eng> (accessed: 16.12.2024).

¹⁰ Germany imposes border controls // The Economist. 14.09.2015. URL: <https://www.economist.com/europe/2015/09/14/germany-imposes-border-controls> (accessed: 08.12.2024).

¹¹ Number of Refugees to Europe Surges to Record 1.3 Million in 2015 // PEW Research Center. 02.08.2016. URL: <http://pewrsr.ch/2asMQLh> (accessed: 08.12.2024).

¹² Statistical Yearbook 2016 // UNHCR. URL: <https://www.unhcr.org/us/media/unhcr-statistical-yearbook-2016-16th-edition> (accessed: 20.02.2025).

¹³ Koch A., Biehler N., Knapp N., Kipp D. Integrating refugees: Lessons from Germany since 2015–16 // The World Bank. 2023. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/d3bf052f21b05b8b5f87f38b921dfd7e-0050062023/original/WDR-German-case-study-FINAL.pdf> (accessed: 24.02.2025).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Refugee Data Finder...

¹⁶ Das Bundesamt in Zahlen 2024 // Bundesamt für Migration und Flüchtlinge. 2024. URL: <https://www.bamf.de/SharedDocs/Anlagen/DE/Statistik/BundesamtinZahlen/bundesamt-in-zahlen-2024.html?view=renderPdfViewer&nn=282772> (accessed: 23.02.2025).

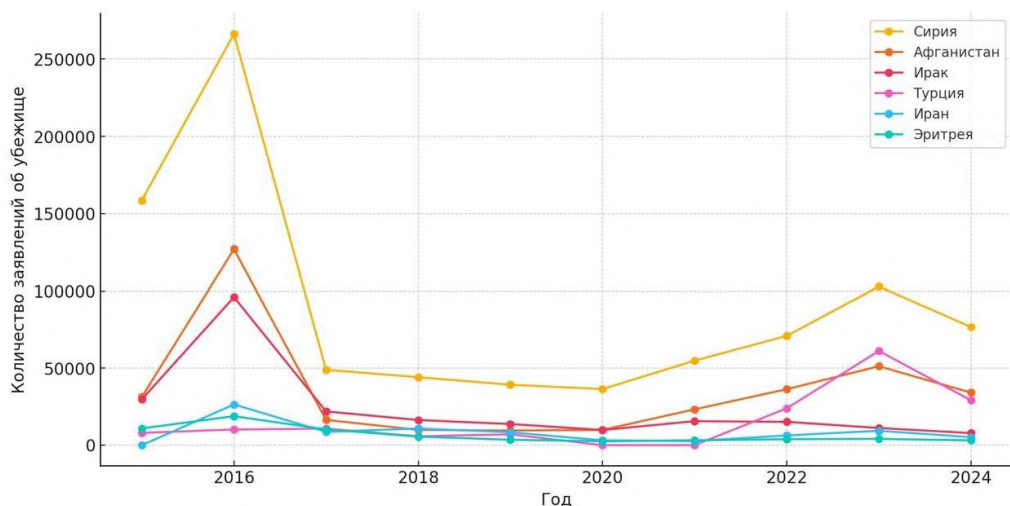

Рисунок 1. Динамика заявлений об убежище в Германии по национальностям (2015–2024 гг.)¹⁷

В течение этого периода Сирия ежегодно оставалась главной страной исхода беженцев (хотя количество заявлений от сирийцев снизилось до ~39 000 к 2019 году)¹⁸. Ирак и Афганистан оставались основными странами происхождения, хотя с гораздо меньшим количеством заявителей, чем в 2015–16 годах. Например, число афганских заявлений снизилось до ~9–16 тысяч в год в 2017–2019 годах¹⁹. Число заявителей из стран Западных Балкан резко сократилось после 2016 года из-за того, что Германия обозначила эти страны как «безопасные»²⁰, в результате чего в последующие годы было очень мало албанцев и косоваров, ищущих убежища. Африканские страны, такие как Эритрея и Нигерия, в этот период подавали по несколько тысяч заявлений в год²¹.

В 2020 г., на фоне пандемии COVID-19, наблюдался дополнительный спад — около 122 000 заявлений. Однако начиная с 2021–2024 гг. произошло заметное увеличение числа ходатайств о предоставлении убежища. Общее количество заявлений выросло до 148 000 в 2021 году и 217 774 в 2022 году, а затем подскочило до 329 120 в 2023 году (самый высокий показатель с 2016 года)²².

Гражданская война в Сирии и гуманитарная ситуация по-прежнему заставляют многих сирийцев искать убежище [7, с. 72–74] — сирийцы подали 70 976 заявлений в 2022 году и 102 930 в 2023 году. После захвата власти талибами в 2021 году число заявок от афганцев также возросло (36 358 в 2022 году; 51 275 в 2023 году)²³. Примечательно, что в 2022–2023 годах на фоне внутренних беспорядков в Турции основной группой стали граждане Турции —

¹⁷ Refugee Data Finder // UNHCR. 2024. URL: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics/download/?v2url=d-c36b6> (accessed: 24.02.2025).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² Fachinger T., Hoffmeyer-Zlotnik P., Stiller M. Germany Country report 2023 // European Council on Refugees and Exiles. 2023. URL: <https://asylumineurope.org/reports/country/germany/overview-main-changes-previous-report-update> (accessed: 24.02.2025).

²³ Refugee Data Finder...

в 2023 году Германия получила более 61 000 турецких заявлений на предоставление убежища (по сравнению с 23 900 в 2022 году)²⁴. В 2024 году количество поданных заявлений о предоставлении убежища выровнялось; по предварительным данным, всего было подано около 229 000 заявлений. Самой многочисленной группой в 2024 году оставались сирийцы (75–79 тыс.), за ними следовали афганцы (34 тыс.) и турки (30–31 тыс.). В 2021–2024 годах меньшее, но значительное число людей продолжало прибывать из Ирака, Ирана, Сомали и других стран²⁵.

Влияние сирийской миграции на внутриполитическую ситуацию в Германии. Поток сирийских беженцев, чья культура сильно отличается от немецкой и европейской, привёл к усилению межнациональных и межконфессиональных противоречий [10, с. 127]. Более того, резкий рост численности беженцев сопровождался увеличением количества преступлений, в том числе и уголовного характера. Попадание в страну радикальных мусульман, экстремистская и террористическая угроза со стороны части приехавших в Германию сирийцев обусловили рост антииммигрантских настроений в Германии, в особенности в восточной части страны и в Баварии, где осело большинство беженцев [5, с. 232]. Также стоит отметить и радикализацию самих немцев [6, с. 128]: в 2015 г. регулярно фиксировались случаи нападений и поджогов лагерей беженцев [5, с. 232]. Даже само правительство Германии в начале 2016 г., на фоне новостей о домогательствах и нападениях на женщин со стороны беженцев в новогоднюю ночь в Кельне, признало проблемы и необходимость ужесточения законодательства, регулирующего вопросы миграции²⁶.

Такое положение дел отразилось и на политических предпочтениях немецкого населения: заметную роль на внутриполитической арене Германии стала играть правопопулистская партия «Альтернатива для Германии», выступающая за ужесточение мер в отношении беженцев и мигрантов и усиление контроля за пересечением границ [6, с. 127]. Если в докризисный 2013 г. эта партия не смогла преодолеть порог, чтобы получить места в парламенте, то в 2017 г. ей уже удалось занять 94 места, став третьей по численности фракцией в Бундестаге²⁷. Более того, в декабре 2024 г. нерешённость основных проблем немецкого общества, в том числе и миграционного вопроса, привела к тому, что председатель «Альтернативы для Германии» Алис Вайдель стала самым популярным кандидатом на пост канцлера Германии, по результатам социологических опросов²⁸. По итогам выборов 2025 года партия получила рекордные 151 место в парламенте²⁹.

Политика интеграции мигрантов. Недовольство со стороны местного населения поставило перед правительством вопрос о необходимости принятия мер по снижению социального напряжения внутри страны [11]. Не менее остро

²⁴ Koch A., Biehler N., Knapp N., Kipp D. Integrating refugees: Lessons from Germany since 2015–16...

²⁵ Das Bundesamt in Zahlen 2024...

²⁶ Эксперт: Ангела Меркель фактически признала провал политики открытых дверей // Russia Today. 14.01.2016. URL: <https://russian.rt.com/article/141846> (дата обращения: 25.12.2024).

²⁷ Выборы в ФРГ: победа блока Меркель и успех «Альтернативы для Германии» // РИА Новости. 25.09.2017. URL: <https://ria.ru/20170925/1505460250.html> (дата обращения: 25.12.2024).

²⁸ Федорцев В. В ФРГ выяснили, кого считать самым популярным кандидатом в канцлеры // Российская газета. 23.12.2024. URL: <https://rg.ru/2024/12/23/shans-dlia-alis.html> (дата обращения: 25.12.2024).

²⁹ На парламентских выборах победил блок ХДС/ХСС // Deutschland.de. 24.02.2025. URL: <https://www.deutschland.de/ru/topic/politik/parlamentskie-vybory-2025-rezultaty-vyborov-germaniya-vybory-pravitelstvo> (дата обращения: 25.02.2025).

стояла и проблема финансирования социальной поддержки сирийских беженцев. Одним из путей решения двух обозначенных проблем стала политика центрального правительства, направленная на ускорение интеграции сирийских беженцев в немецкое общество [9]. В 2016 г. впервые в истории Германии был принят закон об интеграции, главной целью которого, по заявлению канцлера А. Меркель, было облегчение беженцам доступа к немецкому рынку труда³⁰. Он предусматривал меры в четырёх ключевых направлениях:

Во-первых, закон об иммиграции расширил возможности для трудоустройства беженцев, приостановив на три года приоритет граждан государств-ЕС над беженцами при найме на работу³¹.

Во-вторых, закон расширил доступ беженцев к образованию. Было уделено внимание языковой интеграции, в том числе и на дошкольном уровне, в рамках которой правительство Германии реализует федеральную программу «Язык в детских садах. Ключ, открывающий мир» [4, с. 61]. Что касается взрослых беженцев, то посещение интеграционных курсов стало обязательным: пропуск занятий по изучению немецкого языка, законов и культуры Германии сопровождался уменьшением объёма предоставляемой немецким правительством помощи. Помимо этого, беженцы получили возможность пройти профессиональную переподготовку, а также получить вид на жительство сроком на полгода после её завершения для поиска работы³².

В-третьих, были введены новые правила на получение бессрочного вида на жительство, которые теперь предполагали знание немецкого языка на хорошем уровне, а также наличие достаточного количества финансовых средств для проживания на территории Германии³³.

В-четвертых, региональные власти получили право самим решать, где размещать беженцев, и ограничивать их расселение в определённых местах для предотвращения появления на территории Германии «гетто»³⁴.

Помимо этого, государство активно работает с бизнесом над созданием дополнительных возможностей для трудоустройства беженцев. Так, Объединение торгово-промышленных палат Германии и Министерство экономики занимаются созданием сети из нескольких тысяч предприятий мелкого и среднего бизнеса, которые оказали бы помощь беженцам в процессе их интеграции в немецкий рынок труда [4, с. 61].

Привела ли эта политика к каким-либо ощутимым результатам? Несмотря на то, что затраты на содержание и помощь сирийским беженцам все ещё превышают налоговые и социальные платежи, получаемые бюджетом от их трудовой деятельности, Берлину все же удалось добиться определённого прогресса. Среди прибывших в Германию сирийских беженцев растёт доля трудоустроенных, и, как заявляют немецкие СМИ, чем дольше сирийский беженец живёт на территории ФРГ, тем выше его шансы найти работу³⁵, что закрывает одну из наиболее насущных потребностей немецкой экономики в рабочей силе.

³⁰ Oltermann Ph. Germany unveils integration law for refugees // The Guardian. 14.04.2016. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/apr/14/germany-unveils-integration-law-for-refugees-migrants> (accessed: 25.12.2024).

³¹ Ibid.

³² Войников В. В. Интеграция иммигрантов — дело рук самих иммигрантов // РСМД. 17.06.2016. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/integratsiya-immigrantov-delo-ruk-samikh-immigrantov/> (дата обращения: 15.12.2024).

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Мартин Н. Сирийцы поедут домой, хотя в ЕС нужны рабочие руки? // DW. 18.12.2024. URL: <https://www.dw.com/ru/sirijcy-poedut-domoj-hota-v-es-nuzny-rabocie-ruki/a-71081181> (дата обращения: 25.12.2024).

Вместе с тем качество рабочей силы также не осталось незатронутым. Сейчас среди трудоустроенных сирийцев около половины занята в тех сферах, где для ведения трудовой деятельности необходима квалификация. Это свидетельствует о желании сирийских беженцев получать новые профессиональные навыки и развивать свои компетенции [4, с. 60].

Политическая артикуляция миграционного вопроса в партийной системе Германии в период после выборов 2025 года. После внеочередных выборов в Бундестаг в марте 2025 года в Германии сформировалась коалиция между консервативным блоком ХДС/ХСС и Социал-демократической партией Германии (СДПГ), что стало результатом усиления электорального запроса на стабильность и контроль в условиях нарастающей внешнеполитической турбулентности и продолжающихся миграционных вызовов. Согласно данным официального коалиционного соглашения под названием «Ответственность за Германию», миграционная политика оказалась в числе приоритетных направлений: в ней отчётливо прослеживается попытка сбалансировать требования правопорядка и социальной интеграции с конституционным правом на убежище³⁶.

Особенность новой коалиции заключается в системном противостоянии двух ценностных подходов. ХДС/ХСС настаивали на усилении контроля за внешними границами, расширении механизмов депортации и ускоренной процедуре отказа в предоставлении убежища для мигрантов из так называемых «безопасных стран происхождения». При этом СДПГ, сохранившая за собой Министерство финансов и курирующая ряд социальных программ, акцентировала внимание на гуманитарной составляющей и интеграционных мерах — таких как доступ к языковому образованию и рынку труда для уже пребывающих в стране просителей убежища. Эти расхождения нашли отражение в компромиссных формулировках договора: например, положения о расширении центров первичной фильтрации мигрантов сопровождаются обязательствами по соблюдению прав человека и ускоренной социальной адаптации беженцев³⁷.

Политические предпосылки к подобному раскладу формировались задолго до выборов 2025 года. Как отмечает В. Б. Белов, миграционный вопрос являлся одним из ключевых мобилизующих факторов предвыборной кампании в Германии и использовался как в риторике правых популистов, так и в платформенной конкуренции между системными партиями [14, 72–93]. Исследование политико-правовых основ миграционной программы ХДС/ХСС 2021 года, проведённое Н. А. Каталкиной и Н. В. Богдановой, демонстрирует жёсткую позицию блока, которая с тех пор сохранила преемственность — ориентация на защиту национальной идентичности, фильтрацию по «интеграционному потенциалу» и отказ от мультикультурализма как базовой парадигмы [13]. Эти установки во многом определили характер внутрипартийных переговоров и линию поведения ХДС/ХСС при вступлении в переговоры о коалиции. Наблюдается преемственность в программных установках. В частности именно в апрельских «коалиционных тезисах» ХДС/ХСС и СДПГ впервые были обнародованы направления, ставшие основой нового договора: ужесточение подходов к нелегальной миграции, расширение системы миграционных соглашений с третьими странами и развитие депортационной инфраструктуры при сохранении интеграционных квот [12].

³⁶ Verantwortung für Deutschland. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD. Legislaturperiode. URL: https://www.csu.de/common/csu/Koalitionsvertrag_2025_Verantwortung_fuer_Deutschland.pdf (accessed: 25.04.2025).

³⁷ Ibid.

Таким образом, коалиция 2025 года представляет собой компромиссный проект, в котором миграционная повестка стала точкой соприкосновения двух во многом расходящихся политических сил. Анализ официальных документов и экспертных оценок позволяет сделать вывод о том, что Германия, оставаясь приверженной гуманистическим принципам, всё более стремится к институциональной оптимизации и ограничению миграционного притока за счёт гибридных инструментов — правовых, дипломатических и административных.

События в Сирии и политическая ситуация внутри страны. Недавние события в Сирии, в ходе которых президент Б. Асад был свергнут³⁸, а к власти пришли исламисты, актуализировал обсуждение судьбы сирийских беженцев в Европе и, в частности, в Германии. Окончание гражданской войны в Сирии и смена власти создали перспективы для возвращения миллионов сирийских беженцев из Европы к себе на родину. Практически сразу после новостей о смене власти в Дамаске Берлин вместе с партнёрами по ЕС объявил о временной приостановке рассмотрения заявлений на предоставление убежища³⁹.

Теперь Берлин занимает неоднозначную позицию по отношению к сирийским беженцам. С одной стороны, большая часть беженцев продолжает обременять немецкий бюджет. Официальный уровень безработицы среди сирийских беженцев в Германии составляет 37%, это более чем в 6 раз выше среднего показателя по стране — 5,9%⁴⁰. Рост популярности «Альтернативы для Германии» и выход её лидера в качестве фаворита на пост канцлера свидетельствуют о том, что несмотря на усилия Берлина по снижению социальной напряжённости внутри государства относительно вопросов миграции, властям так и не удалось переломить ход развития общественных настроений. Стремление не допустить к власти правых популистов может подтолкнуть немецкое правительство к принятию решения о частичной депортации сирийских беженцев на родину, однако пока неизвестно, будут ли такие мероприятия носить массовый или частный характер.

С другой стороны, как уже было показано выше, все большее количество сирийцев успешно трудоустраиваются и интегрируются в немецкое общество. Глава МВД Германии Нэнси Фезер прямо заявила, что часть сирийцев хорошо интегрирована и трудоустроена, в связи с чем эти люди могут продолжить работать на территории Германии⁴¹.

Более того, Германии так и не удалось решить свою демографическую проблему, в связи с чем немецкая экономика продолжит нуждаться в иностранной рабочей силе, потребность в которой на данном этапе смогут закрывать сирийские беженцы. Здесь же стоит отметить, что в некоторых рабочих отраслях сирийцы занимают заметное положение. Так, например, председатель немецкого общества поддержки больниц Геральд Грасс высказал опасение, что активное возвращение сирийцев на родину может оказать значимое негативное воздействие на институты здравоохранения в Германии⁴².

³⁸ Прим. авт.: Падение режима Асада произошло 8 декабря 2024 года.

³⁹ Сирийцы в Германии: заморожено 347 000 заявлений на убежище // Московский комсомолец. 09.12.2024. URL: <https://www.mknews.de/social/2024/12/09/siriycy-v-germanii-zamorozheno-347-000-zayavleniya-ubezhishhe.html> (дата обращения: 25.12.2024).

⁴⁰ Мартин Н. Сирийцы поедут домой, хотя в ЕС нужны рабочие руки?...

⁴¹ Глава МВД: Германия примет по квотам ЕС около 30 тысяч беженцев // РИА Новости. 22.09.2015. URL: <https://ria.ru/20150922/1274476768.html> (дата обращения: 22.12.2024).

⁴² В Германии испугались массового оттока сирийцев из страны // РИА Новости. 09.12.2024. URL: <https://ria.ru/20241209/germaniya-1988249079.html> (дата обращения: 22.12.2024).

Заключение. Анализ трансформации миграционной политики Германии в отношении сирийских беженцев в период 2015–2025 гг. позволяет сделать ряд важных выводов. Германия столкнулась с проблемами радикализации как среди мигрантов, так и среди местного населения, что усугубляло внутренние политические конфликты и подрывало общественное доверие к миграционной политике. Опыт показал, что открытая и массовая политика приёма беженцев без достаточной подготовки и системной интеграционной поддержки привела к усилению социального напряжения и росту межэтнических конфликтов. Кроме того, Германия оказалась не готова к долгосрочным экономическим последствиям массового притока мигрантов, связанным с затратами на их социальное обеспечение и интеграцию. Несмотря на постепенный рост трудоустройства и интеграции части сирийских беженцев, значительная их доля продолжает обременять бюджет, усиливая электоральный запрос на ограничение миграции и способствуя росту популярности правопопулистских сил.

Таким образом, уроки немецкой миграционной политики демонстрируют необходимость комплексного подхода, включающего системные меры по интеграции, профилактике социальных конфликтов и созданию условий для долгосрочного экономического участия мигрантов в жизни страны.

Этот опыт, несмотря на его специфический европейский контекст, представляет ценность и для других государств, сталкивающихся с миграционными вызовами. Опыт работы с мигрантами в России обладает иным характером и наполнением, связанными с особенностями национальной политики и социальной структурой, однако он может быть значительно усовершенствован за счёт учёта ошибок, допущенных Германией в её миграционной практике. В российской же практике, несмотря на менее масштабный приём мигрантов, важно избегать просчётов, связанных с недостаточной адаптацией и интеграцией мигрантов, поскольку именно они создают условия для роста социальной нестабильности.

Для России это сигнал о необходимости разработки более эффективных механизмов профилактики конфликтов и радикализации, а также создания условий для успешной социальной адаптации мигрантов. Важно, чтобы российская миграционная политика опиралась не только на контрольно-ограничительные меры, но и на целенаправленную поддержку образовательных, культурных и социальных программ, способных не только снизить риски конфликтов, но и способствовать взаимопониманию между мигрантами и местным населением. При этом российский опыт, ориентированный на более взвешенное и прагматичное управление миграцией, может быть дополнен разработкой комплексных программ поддержки квалифицированных мигрантов, что будет способствовать укреплению экономики и смягчению демографических проблем. Такой подход позволит избежать негативных экономических последствий, с которыми столкнулась Германия, и одновременно повысит эффективность использования миграционного ресурса.

Библиографический список

1. *Drewski D., Gerhards G.* A humanitarian role model: Germany's initial open-door policy and restrictive turn toward Syrian refugees // *Framing Refugees: How the Admission of Refugees is Debated in Six Countries across the World.* Oxford : Oxford University Press, 2024. P. 101–142. DOI [10.1093/oso/9780198904724.003.0005](https://doi.org/10.1093/oso/9780198904724.003.0005).
2. *Гаджимурадова Г. И., Вукчевич Н.* Миграционная политика ЕС: политика гуманизма vs угроза национальной безопасности // *Наука. Культура. Общество.* 2023. Т. 29, № 4. С. 54–64. DOI [10.19181/nko.2023.29.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.5). EDN [PVJTOR](https://www.edn.ru/PVJTOR).

3. Соколов А. П., Давыдов А. Д. Проблемы миграционной политики Германии: от сдержанности к открытости // Международная аналитика. 2023. Т. 14, № 3. С. 41–57. DOI [10.46272/2587-8476-2023-14-3-41-57](https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-3-41-57). EDN [JUMCHQ](#).
4. Кучеров М. Ю. Миграционный кризис в Германии: нагрузка или инвестиции в будущее? // Власть. 2020. Т. 28, № 4. С. 58–64. DOI [10.31171/vlast.v28i4.7429](https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7429). EDN [OUFSAC](#).
5. Кондратьева Т. С. Миграционный кризис в Европе: Причины и последствия // Проблемы европейской безопасности : Сб. науч. трудов. М. : ИНИОН РАН, 2016. С. 216–229. EDN [XEVULF](#).
6. Муллина Д. Р., Шмелев Д. В. Позиция Германии в миграционном кризисе 2015 года // Казанский вестник молодых учёных. 2021. Т. 5, № 2. С. 123–129. EDN [PRYYMY](#).
7. Агафшин М. М. От «Благодатного полумесяца» к «Опасному острову»: арабская миграция в страны Европы. М. : Институт Африки РАН, 2023. 222 с. EDN [GUAEER](#).
8. Трансграничные перемещения населения: ограничения и перспективы международного регулирования в условиях миграционного кризиса / М. М. Агафшин, Н. Д. Андреев, Я. А. Глухов [и др.]. М. : Институт Африки РАН, 2024. 252 с. EDN [EGBCNH](#).
9. Биссон Л. С. Регулирование легальной миграции в Европейском союзе. М. : ИЕ РАН, 2020. 150 с. (Доклады Института Европы, № 371). DOI [10.15211/report42020_371](https://doi.org/10.15211/report42020_371). EDN [LRALRT](#).
10. Германия в евроинтеграционных и трансатлантических процессах / В. И. Васильев, М. В. Хорольская, А. М. Кокеев [и др.]. М. : ИМЭМО РАН, 2021. 127 с. DOI [10.20542/978-5-9535-0589-5](https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0589-5). EDN [SNDMPV](#).
11. Невозможные угрозы безопасности ЕС / Н. К. Арбатова, Ф. А. Басов, В. И. Васильев [и др.]. М. : Весь мир, 2023. 658 с. EDN [CGFNZH](#).
12. Белов В. Б. Апрельские коалиционные тезисы ХДС/ХСС и СДПГ // Аналитические записки Института Европы РАН. 2025. № 12. С. 12–18. DOI [10.15211/analytics212202501218](https://doi.org/10.15211/analytics212202501218). EDN [VJEJUM](#).
13. Коталкина Н. А., Богданова Н. В. Миграционная политика ХДС/ХСС в предвыборной программе 2021 года // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник. Вып. 5. Часть 1. М. ИНИОН РАН, 2022. С. 1107–1110. EDN [WNXQHZ](#).
14. Белов В. Б. Партийно-политические процессы в Германии перед внеочередными выборами в бундестаг // Европейская аналитика 2024 : Сб. материалов // Под общ. ред. К. Н. Гусева. М. : ИЕ РАН, 2024. С. 72–93. DOI [10.15211/978-5-98163-226-6.08](https://doi.org/10.15211/978-5-98163-226-6.08).

Поступила: 27.04.2025. Доработана: 30.07.2025. Принята: 06.08.2025.

Сведения об авторе:

Ткачев Артём Олегович, соискатель кафедры демографической и миграционной политики, МГИМО МИД России. Москва, Россия.

a.o.tkachyov@yandex.ru

Author ID РИНЦ: [1293655](https://elibrary.ru/author_index.aspx?id=1293655); ORCID: [0009-0001-8183-9750](https://orcid.org/0009-0001-8183-9750)

A. O. Tkachev¹

¹ MGIMO University. Moscow, Russia

SYRIAN REFUGEES IN GERMANY: POLITICAL ANALYSIS OF THE CURRENT SITUATION

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the transformation of Germany's migration policy toward Syrian refugees between 2015 and 2025. Drawing on data from the German Federal Office for Migration and Refugees (BAMF), the United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR), Eurostat, as well as materials from analytical centers and official documents, the study examines key phases in the evolution of Germany's migration strategy — from a policy of containment to the “open doors” approach and the subsequent return to restrictive measures. Particular attention is paid to the internal factors (including demographic crisis, labor shortages, and anti-immigrant sentiment) and external factors (such as the EU's stance, the escalation of the Syrian conflict, and the fall of the Bashar al-Assad regime) that shaped these policy shifts. The research reveals

the enduring duality of Berlin's position: the need for partial refugee repatriation coexists with the necessity of retaining qualified migrant labor to sustain economic stability. The findings are relevant not only for understanding the dynamics of migration policy in Western European countries but also for nations facing similar challenges, including Russia, where the German experience may serve as an analytical reference point in developing a balanced and resilient migration strategy.

Keywords: Syrian refugees, migration crisis, Germany, integration policy, domestic politics, migration strategy

For citation: Tkachev A. O. Syrian refugees in Germany: political analysis of the current situation. *Science. Culture. Society*. 2025;31(4):119–132. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.4.8>

References

1. Drewski D., Gerhards G. A humanitarian role model: Germany's initial open-door policy and restrictive turn toward Syrian refugees. In: *Framing Refugees: How the Admission of Refugees is Debated in Six Countries across the World*. Oxford: Oxford University Press; 2024. P. 101–142. DOI [10.1093/oso/9780198904724.003.0005](https://doi.org/10.1093/oso/9780198904724.003.0005).
2. Gadzhimuradova G. I., Vukcevic N. EU migration policy: policy of humanism vs threat to national security. *Science. Culture. Society*. 2023;29(4):54–64. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2023.29.4.5](https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.4.5).
3. Sokolov A. P., Davydov A. D. Germany's Migration Policy Challenges: From Restraint to Openness. *Journal of International Analytics*. 2023;14(3):41–57. (In Russ.). DOI [10.46272/2587-8476-2023-14-3-41-57](https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-3-41-57).
4. Kuchеров M. Y. Germany's Migration Crisis: Load or Investment in the Future?. *Vlast' (The Authority)*. 2020;28(4):58–64. (In Russ.). DOI [10.31171/vlast.v28i4.7429](https://doi.org/10.31171/vlast.v28i4.7429).
5. Kondratieva T. S. Migration crisis in Europe: causes and consequences. In: *Problems of European security: Coll. of scientific papers*. Moscow: INION RAS; 2016. P. 216–229. (In Russ.).
6. Mullina D. R., Shmelev D. V. The German position in the migration crisis of 2015. *Kazanskii vestnik molodykh uchenykh*. 2021;5(2):123–129. (In Russ.).
7. Agafoshin M. M. From “the Fertile Crescent” to “the Dangerous Island”: Arab Migration into European Countries. Moscow: Institute for African Studies RAS; 2023. (In Russ.).
8. Agafoshin M. M., Andreev N. D., Glukhov Ya. A. [et al.] Cross-Border Population Movements: Restrictions and Prospects of International Regulation in the Context of the Migration Crisis. Moscow: Institute for African Studies RAS, 2024. (In Russ.).
9. Bisson L. S. Legal migration governance in the European Union. Moscow: IE RAS; 2020. Reports of the Institute of Europe, № 371. (In Russ.). DOI [10.15211/report42020_371](https://doi.org/10.15211/report42020_371).
10. Vasiliev V. I., Khorolskaya M. V., Kokeev A. M. [et al.]. Germany in the Integration and Transatlantic Processes. Moscow: IMEMO RAS; 2021. (In Russ.). DOI [10.20542/978-5-9535-0589-5](https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0589-5).
11. Arbatova N. K., Basov F. A., Vasiliev V. I. [et al.] Non-military Threats to the EU Security. Moscow: Ves' Mir; 2023. (In Russ.).
12. Belov V. B. April Coalition Theses of CDU/CSU and SPD. *Analytical paper IE RAS*. 2025;(12):12–18. (In Russ.). DOI [10.15211/analytics212202501218](https://doi.org/10.15211/analytics212202501218).
13. Katalkina N. A., Bogdanova N. V. Migration policy of the CDU/CSU in the 2021 election program. In: *Greater Eurasia: Development, Security, cooperation: yearbook*. Issue 5. Part 1. Moscow: INION RAS; 2022. P. 1107–1110. (In Russ.).
14. Belov V. B. Party and political processes in Germany prior to extraordinary Bundestag elections. In: Gusev K. N. (ed.). *European analytics 2024: col. of arts*. Moscow: IE RAS; 2024. P. 72–93. (In Russ.). DOI [10.15211/978-5-98163-226-6.08](https://doi.org/10.15211/978-5-98163-226-6.08).

Received: 27.04.2025. Corrected: 30.07.2025. Accepted: 06.08.2025.

Author information:

Artem O. Tkachev, applicant of the department of demographic and migration policy, MGIMO University. Moscow, Russia.

a.o.tkachyov@yandex.ru

ORCID: 0009-0001-8183-9750